

ФРИДРИХ НИЦШЕ И НИТЦ А. ВАРЛАМОВА

В статье дается поэтологический и историософский анализ образа Нитца/Ницше в романе А. Варламова. Показано, как в рамках художественного текста происходит демонизация личности философа, ставшего «своим» для России Серебряного века и обусловившего, по мнению писателя, все беды, обрушившиеся на империю.

Ключевые слова: Варламов, Ницше, Нитц, мысленный волк.

Философское наследие Фридриха Ницше составляет важную часть мировой, и русской в частности, культуры рубежа XIX – XX столетий. Интеллектуальная Россия признала автора Заратустры «своим»: «Ницше не от германского духа, в нем много славянского...» [Бердяев 1989: 527]. Под долговременным «очарованием» философии Ницше были В.С. Соловьев и В.И. Иванов, Андрей Белый и Е.Н. Трубецкой. Н.А. Бердяев заявил, что Ницше: «величайшее явление новой истории», «искупительная жертва за грехи новых времен», «жертва гуманистического сознания», «муку Ницше мы должны разделить: она насквозь религиозна» [Бердяев 1989: 322–323].

Русские интеллектуалы начала XX века были уверены, что пессимизм отрицания, характерный для миропонимания немецкого философа, есть необходимая основа для последующего обращения: «Через Ницше новое человечество переходит от безбожного гуманизма к гуманизму божественному, к антропологии христианской» [Бердяев 1989: 323]. С этой идеей Н.А. Бердяева солидарны Е.Н. Трубецкой и Л.И. Шестов, увидевшие в Ницше двойника Ф.М. Достоевского или одного из его героев.

Данная статья посвящена проблеме истолкования образа Фридриха Ницше в романе А.Н. Варламова «Мысленный волк» (2014), в котором автор обращается к переломной эпохе русской истории, начавшейся летом 1914 года и закончившейся зимой 1918 года. Воссоздавая конкретно историческую и духовную атмосферу Серебряного века, писатель использует приемы альтернативно-исторического романа, когда вводит в число героев своего «Мысленного волка» немца Нитца.

Имя Нитца, поначалу никак не соотносимое с Фридрихом Ницше, впервые появляется в самом начале романа и несет за собой некую тайну: подростки Уля и Алеша летом во время рыбалки зацепили утопленника – убитого мужиками зимой управляющего князя Люпы. На вопрос девочки: «За что?», мальчик отвечает: «Немец был. Нитц» [Варламов 2015: 12]. С этой экспозиции начинается постепенное раскрытие символичности всего происшедшего и тайны убиенного, с которым связаны все события романа.

Вслед за Нитцем умирает запивший от тоски князь, наказав перед смертью *«выставить на похороны три ведра самогону, напоить всех, и чтобы на поминках до упаду плясали и плакать не смели»* [Варламов 2015: 12–13]. Языческая тризна по князю и – одновременно – по его непогребенному управляющему не может ни уберечь людей от посмертного влияния приказавших долго жить, ни отогнать злые силы, материализовавшиеся вокруг деревни Высокие Горбунки в форме невиданной засухи. Речь идет о поистине апокалипсической ситуации и о грядущей смерти от жажды, это понимают и деревенские жители, которые утвердились во мнении о том, что кто-то согрешил против Неба, и которые в ночь на Ивана Купалу вырыли из могилы тело князя Люпы и пустили его в реку: *«Второй труп проплыл по Шеломе так же незаметно, как и первый, однако засуха после этого сделалась еще злее, а вода в реке начала стремительно убывать»* [Варламов 2015: 35].

Согласно славянским поверьям, выкопанный в ночь на Ивана Купалы корень плакун-травы должен оберечь от бесовщины, – в Высоких Горбунках происходит обратное: решив уподобить тело умершего, находящегося в невидимой связке с Нитцем, магическому корню, крестьяне совершили кощунственный, богомерзкий поступок и этим усилили действие бесовских сил. В романе проявилась мистическая тема: природа таинственным образом связана с убиенным Нитцем, из-за которого настроена враждебно по отношению к человеку и несет смерть. Таким образом, был сюжетно задан дальнейший вектор развития концепции образа Нитца в романе.

Этот лейтмотив получает развитие в «речном, на перекате» эпизоде [Варламов 2015: 97], главным действующим лицом которого выступает Легкобытов, натыкающийся на трупы старосты и его хозяина. Раскрывшаяся перед ним картина смерти, распада, гнили в мертвой стоячей воде заставляет его предположить: возможно, что Нитц и князь Люпа были просто выдуманы

местными мужиками и бабами, чтобы пугать друг друга, *«Это опять морок...»* [Варламов 2015: 98].

Новый уровень освоения проблемы – рассказ о дурном влиянии Нитца на гимназистов. Варламов изображает конфликт между учеником Пашей Легкобытовым (его прототипом стал Михаил Пришвин) и учителем Р-вым (его прототипом послужил Василий Розанов). Их столкновение порождает главную сентенцию эпизода: *«"Это все Нитц", – произнес учитель, захлопывая журнал и впервые называя фамилию человека, которую его ученик запомнил на всю жизнь»* [Варламов 2015: 66].

Здесь следует вспомнить, что В.В. Розанов в эпоху его учительства в Ельце, где произошла скандальная стычка с учеником М.М. Пришвиным, резко отрицательно относился к идеям Ницше. В полном соответствии с реальным критическим отношением Розанова к Ницше (до 1890-х гг., когда градус розановской оценки философии Ницше поменял полюса) изображено в романе понимание этого философа учителем Р-вым, который видит корень всех бед в развращающих молодежь идеях Ницше. Но пройдет несколько лет, и в Санкт-Петербурге Р-в, уже прославленный писатель, окажется до такой степени под обаянием идей немецкого философа (и это тоже соответствует эволюции во взглядах Розанова на Ницше), что его самого назовут *«русским Нитцем»* [Варламов 2015: 320].

Это понимает и повзрослевший Легкобытов: *«Слова "Это все Нитц!" <...> пронзили изгнанного ученика на всю жизнь», «он расслышал в них самую важную правду своего времени»* [Варламов 2015: 232]. Именно поэтому, пережив на берегу Шеломи сомнение в реальности существования Нитца, он приходит к твердому убеждению: *«... имитировавший в течение одиннадцати лет безумие, пивший собственную мочу Нитц не умер в 1900 году, а был тайно вывезен в Россию, в деревню Высокие Горбушки, и там за полгода до мировой войны умерщвлен местными землепашцами, но именно он стал для России главной опасностью, питавшей опасности неглавные, которые от главной лишь отвлекали»* [Варламов 2015: 232]. Исходя из этой идеи, Легкобытов клеймит своего оппонента Комиссарова как «нитцеанца»: *«Верный ученик и последователь убиенного старосты. Любовь к дальнему! Светлое будущее! Царство людей-механизмов. Иван Грозный – великий русский царь-государь. Новая мораль, новые отношения между новым мужчиной и новой женщиной»* [Варламов 2015: 175]. В перечислении в форме назывных предложений обозначены пункты программы, которую будут реализовывать через несколько лет большевики и которую Легкобытов напрямую увязывает с Нитцем.

Не менее эмоционально реагирует на идеи Ницше и Комиссаров, которому Легкобытов дает на одну ночь сочинения немецкого философа. Он был потрясен открывшейся ему бездной имморализма и готов броситься в сыскное отделение *«на себя донести и крикнуть: запретите, сожгите, не пускайте это сюда!»* [Варламов 2015: 233]. Комиссаров как утопист, материально поддерживающий большевиков и объективно работающий на их программу, и, согласно мнению Легкобытова, нитцеанец, убежден: *«Нельзя русскому человеку такое читать, не сдюжит он. Любую ересь одолеет <...>, кроме этого, потому что Нитц проклятый на самое сокровенное покунулся, открыл ту дверь, за которой у всякого русского стыд хранился и т.д. ...»* [Варламов 2015: 233].

Комиссаров явно демонизирует Ницше, и эту стратегию поддерживает автор-повествователь, который дает свой пространственный комментарий к несостоявшемуся доносу: *«А ведь зря не пошел. Может, тогда подольше удалось бы России без Нитца пожить, успеть подготовиться и выработать противоядие <...>. Не успели: Нитц помешал. Победил всех и т.д.»* [Варламов 2015: 233–234]. Автор-повествователь обвиняет властей предрежащих в том, что в стране не была вовремя проведена политика «денитцеанизации», и набрасывает нереализованный план мероприятий: *«Нитца надо было от Церкви отлучить! <...> От России и навсегда. Анафеме предать. А каждого, кто Нитца прочел, в тюрьму посадить»* [Варламов 2015: 235]. Не было этого сделано, и вот, констатирует он, *«Нитц – наше все, наш бог, наш Пушкин»* [Варламов 2015: 235] и задается вопросом: *«Все эти старцы <...> почему не пошли крестным ходом против Нитца проклятого? Да и мужик красноречивый из сибирского села <...> почему царю ничего про Нитца не сказал?»* [Варламов 2015: 235–236].

Интенция автора-повествователя ясна: если бы государь своим повелением запретил Нитца, не было бы смуты 1905 года и не нужно было бы Думу бездельную учреждать, не было бы первой мировой войны, которую Варламов связывает причинно-следственной связью с судьбой Ницше в России: *«Немцы несли тевтонца в себе и шли за него мстить. Мстить тем, кто Нитца заманил, похитил, впустил в свою страну, а потом убил»* [Варламов 2015: 237]. Эта мысль с

закономерностью подводит к концептуальному выводу, связанному с метафорой названия романа: «Никакому <...> ненавистнику России не удалось так глубоко пролиться ядом в русское сознание <...> и подготовить плацдарм, на который высадился из мертвой головы Федерико Нитца <...> зверь <...>, вылез и замер от восхищения <...>». И далее: «<...> мысленный волк вцепился в Россию и стал рвать ее на куски» [Варламов 2015: 236].

Таким образом, поэтологический и историософский анализ образа Нитца/Ницше в романе А. Варламова показал, как в рамках художественного текста происходит демонизация личности этого философа, ставшего «своим» для России Серебряного века и обусловившего, по мнению писателя, все беды, обрушившиеся на империю.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. – 608 с.
2. Варламов А.Н. Мысленный волк. М.: Издательство АСТ, 2015. – 510 с.

G.G. Ishimbaeva (Ufa, Russia)

FRIEDRICH NIETZSCHE AND A. VARLAMOV'S NITSCH

The article gives a poetological and historiosophical analysis of Nitsch / Nietzsche's character in Alexei Varlamov's novel. It shows the process of demonization of the philosopher's personality who was not alien for the Russian Silver Age and who determined, in the author's opinion, all misfortunes that struck the empire.

Keywords: Alexei Varlamov, Nietzsche, Nitsch, Thought the wolf.